

Очерки Бѣлоруссіи.

І. Сябрына.

(Изъ жизни Полѣскихъ бѣлоруссовъ южной части Слуцкаго у. Минской г.)

Калі сяберъ не паможа, та й ніхто, не божа. Сяберъ — божы сваякъ. Часамъ атъ свайго памоги не чакай, хіба ў сябра папытай.

Изъ бѣлорусскихъ присловій.

Въ словарѣ бѣлорусскаго нарѣчія И. И. Носовича приведены слова: „сябрукъ, а, с. м. Сотоварищъ, соучастникъ въ дѣлѣ или работѣ. Собрались сябруки. Сябрь, а, с. м. 1) Родственникъ, братъ. Ёны сябры межъ собою, а я чужій. 2) Сотоварищъ. Прийшовся съ сябрами своими“. Но нѣтъ словъ сябрына, сяберъ и т. п. Повидимому, г. Носовичъ ставитъ термины сябрукъ и сябрь вмѣсто дѣйствительно существующаго повсемѣстно въ Бѣлоруссіи понятія «сяберъ», но придаетъ этимъ словамъ не совсѣмъ вѣрное толкованіе. Слово сяберъ означаетъ духовное родство, какъ это можно видѣть изъ настоящаго очерка.

Будучи мѣстнымъ уроженцемъ и въ теченіе многихъ лѣтъ проживая въ разныхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи мнѣ приходилось наблюдать среди бѣлоруссовъ обычай своеобразнаго духовнаго родства, называемаго „сябрыноу“. Сябрына устанавливается какъ между родственниками, такъ равно и между чужими, независимо отъ родства и свойства. Возникаетъ она слѣдующимъ образомъ. Рой пчелъ вылетаетъ изъ улья одного хозяина и входитъ въ улей другого, встанутый на дерево. Съ этого момента данные два хозяина становятся сябрами, а рой пчелъ вмѣстѣ съ ульемъ считается собственностью обоихъ сябровъ въ равныхъ доляхъ. Это самая близкая сябрына; она почитается Богомъ данной, священной, такъ какъ тутъ пчелы вошли въ тотъ или иной улей по волѣ божьей.

Кстати нужно замѣтить, что пчелы въ Бѣлоруссіи почитаются священными насѣкомыми, вѣроятно, за то, что онѣ даютъ воскъ, изъ котораго изготовляются церковныя свѣчи. Есть загадка: „леціёу птахъ цѣразъ божы дахъ; тамъ егѣ дзіёло ўсе пагарыёло [летѣла птица черезъ божью крышу; тамъ ея дѣло (издѣлье) все погорѣло]. Отвѣтъ—пчелѣ. Самка или царица пчелъ называется „бѣжаю маткаю“. Но другому способу сябрына является такъ: во время свадьбы при дѣлежѣ каравая молодой четѣ дарятъ „палавину пчуоў“ и тѣмъ самымъ становятся совмѣстными владѣльцами подареннаго улья пчелъ и сябрами. Когда отъ подаренныхъ во время свадьбы жобылы, коровы или овцы рождается приплодъ, то и тутъ устанавливается сябрына. Вообще сябрына появляется въ такихъ случаяхъ, когда подаренный или даже проданный съ цѣлью разведенія домашній скотъ даетъ хорошій приплодъ и, какъ говорятъ: „идзе ў рўку“. Хотя при установленіи сябрыны никакихъ специальныхъ обрядностей не бываетъ, но съ момента ея появленія сябры обращаются другъ къ другу на вы, а не на ты, какъ это принято вообще между чужими простолюдинами. На вы обращаются только съ самыми близкими друзьями и товарищами да съ родителями и старшими родственниками.

Сябрына среди бѣлоруссовъ играетъ огромную роль. Каждый простолудинъ считаетъ для себя священнымъ долгомъ помочь сябру въ бѣдѣ. По народнымъ воззрѣніямъ, почитается великимъ грѣхокъ, если кто обидитъ сябра или сдѣлаетъ ему зло. Ссора между сябрами—большой позоръ для обоихъ. Во время гостьбы на семейныхъ торжествахъ, храмовыхъ праздникахъ и т. п., сябровъ сажаютъ на почетномъ мѣстѣ, усиленно угощаютъ и вообще относятся къ нимъ съ особеннымъ уваженіемъ. Сябры нерѣдко играютъ роль совѣтчиковъ, защитниковъ предъ міромъ и т. п. Не даромъ бѣлоруссы говорятъ: „калі сяберъ не памѣжэ, та й ніхтѣ, небѣжэ (коли сяберъ не окажетъ помощи, то и отъ другихъ не дождаться). Сяберъ лучше родственниковъ: отъ него скорѣе можно получить помощь, чѣмъ отъ сваякуоў“ — родственниковъ. Есть пословицы: „мнубо свайхъ, да чортъ па ихъ, а сяберъ—божы сваяць“. Или: часамъ отъ свайгѣ памѣги не чакай, хібо ў сябра папытай“.

Каждый предусмотрительный бѣлоруссъ при всякомъ удобномъ случаѣ старается возможно больше приобрести сябровъ какъ въ своемъ селеніи, такъ и въ сосѣднихъ. Сяберъ поможетъ въ трудную минуту жизни; онъ пуститъ переночевать и приметъ, какъ самаго лучшаго гостя. Вѣдь говорятъ старики,

„не май осьмакубу (денегъ), а май мнубго сябрубу,—вікъ пражывѣшъ и въ голоду не памрѣшъ“.

Такъ какъ въ каждомъ селеніи посредствомъ бравоу почти всѣ простолюдины состоятъ хотя бы въ дальнемъ родствѣ или свойствѣ, то и сябрына устанавливается въ большинствѣ случаевъ между родственниками, но это зависитъ только отъ условій даннаго селенія, а не является слѣдствіемъ того, что тѣ или инныя лица родственники. Въ числѣ сябровъ можно, конечно, встрѣтить кромѣ родни—вумовевъ, сватовъ, побратимовъ, т.-е. духовныхъ братьевъ и т. п. Но это все отдѣльные самостоятельные институты родства, не вліяющіе безусловно на появленіе сябрыны.

II. Б о н д а.

Будъ даѣ на ўснхъ долю. И сабатца давай (кусокъ хлѣба)—мо не правъ чыѣ ласку жывубъ.

Изъ бѣлорусскихъ присловій.

Въ такъ называемой Полѣсской Бѣлоруссіи, по среднему теченію р. Припети и ея лѣвымъ притокамъ, мнѣ повсемѣстно приходилось наблюдать народныя обычаи, сохранившіеся среди простолюдиновъ, вѣроятно, отъ глубокой древности. Огромныя лѣса, малопроезжимыя топкыя болота и „гнилыя“ торфяныя рѣчьи и озера дѣлаютъ эту мѣстность недоступною для посторонняго человѣка. Самыя топографическія условія наложили свою особую печать на культурное развитіе и весь бытъ мѣстныхъ бѣлоруссовъ-полѣшуконъ. Здѣсь болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, сохранились древніе обычаи, суевѣрія, предрассудки и старинный укладъ домашней жизни. Здѣсь народный говоръ менѣе подвергся вліянію другихъ языковъ и сохранился почти въ первобытнот чистотѣ. Поэтому изученіе творчества и быта бѣлоруссовъ этой глухой полѣсской части представляетъ особенный научный интересъ.

Въ этомъ краткомъ очеркѣ мнѣ желательно указать на одинъ обычай, подтверждающій предположеніе, что и у бѣлоруссовъ была когда-то общность имущества, основанная на родовомъ строѣ. На всемъ пространствѣ полѣсской части Бѣлоруссіи до послѣдняго времени простолюдины строго соблюдаютъ древній обычай дѣлиться съ ближайшими сосѣдями и вообще односельчанами всѣмъ, что приобрѣтаютъ. Этотъ обычай назы-

вается „бондой“. Такъ, на примѣръ: когда кто-либо убиваетъ кабана, то обычай требуетъ давать сосѣдямъ и вообще односельчанамъ по куску свѣжаго мяса или сала—„бонду“. Такъ же поступаютъ, когда рѣжутъ овцу, теленка и т. п. Обычай раздавать сосѣдямъ „бонды“ распространяется въ равной мѣрѣ на пойманную въ большомъ количествѣ рыбу, убитыхъ на охотѣ звѣрей и т. п. Особенно характеренъ такой фактъ. Въ лѣсу, неподалеку отъ проѣзжей дороги, крестьянинъ вырѣзываетъ соты изъ улья, поставленнаго на „одрѣ“—палаткѣ, устроенной на соснѣ. По дорогѣ проходятъ односельчане. Крестьянинъ замѣтилъ ихъ, закричалъ и подозвалъ къ „одру“. Тѣ подошли и спросили, богата-ли взятка меда. Крестьянинъ положилъ на лубокъ по количеству односельчанъ нѣсколько кусковъ сотовъ и, при помощи „лѣзвѣ“, опустилъ внизъ для угощенія. При вырѣзываніи сотовъ даютъ „бонду“ всякому, кто только попадется по близости. Сюда же относится обычай давать сосѣдямъ плоды съ садовыхъ деревьевъ, огородные овощи, хлѣбъ изъ новой ржи или пшеницы и т. п. Во всѣхъ такихъ случаяхъ говорятъ „даць бонду“ или „бондачку“.

Обычай давать „бонду“ строго соблюдается, ибо существуетъ повѣріе, что кто не дастъ „бонды“, тотъ уже больше никогда самъ не будетъ имѣть даннаго продукта. Рассказываютъ много случаевъ несчастій, происшедшихъ отъ того, что нарушали этотъ обычай.

Данный обычай распространяется даже и на животныхъ. Такъ, когда простолюдинъ ѣстъ и замѣтитъ хотя-бы бродячую собаку, то онъ непременно броситъ ей кусокъ, говоря: „трѣ и сабатцѣ даць,—мо не празъ чыѣ лѣску живубимъ“ („надо и собаѣ дать—можетъ-быть, не по чьей милости живемъ“). Раздавая „бонды“, крестьяне не жалѣютъ своего „добра“, такъ какъ глубоко укоренилось понятіе, что „Бѹогъ даѣ на ўсѣхъ дѣлю“.

Все это указываетъ, что обычай давать бонду сохранился отъ глубокой древности, когда имѣла мѣсто общность имущества цѣлой общины или рода.

А. Сергунтовскій.

Очерки Бѣлоруссіи.

III. Ловля вьюновъ.

„Вьюноубу ни пѣой, ни кармі, тѣольки ў кошыгъ беры. На чѣрта-бѣ, здаѣтца, таѣ гразь, да тамъ вьюнъ и карась. Усе людзямъ на карысь (корысть)“.

Изъ бѣлорусскихъ присловій.

Говорятъ, что Россія страна земледѣльческая. Такое положеніе непримѣнимо въ огромной мѣстности, лежащей широкой полосой вдоль рѣки Припечи по лѣвымъ ея притокамъ. Песчаная и болотистая почва этого края не годна для земледѣлія. И хотя здѣсь жители обрабатываютъ поля и много затрачиваютъ труда на веденіе сельскаго хозяйства, но хлѣба родится такъ мало, что его не достаетъ даже до декабря. Это вынуждаетъ мѣстныхъ жителей различными промыслами снискивать средства къ существованію. Сюда относятся: скотоводство, рыболовство, звѣроловство, пчеловодство, собираніе грибовъ и ягодъ, лѣсной промыселъ и др.

Въ этой части Бѣлоруссіи большое подспорье въ хозяйствѣ даетъ особенный, свойственный только данной мѣстности промыселъ, — это ловля вьюновъ (родъ небольшого угря, длиною 15—20 сѣт.). Множество топкихъ торфяныхъ болотъ, грязныхъ озерь и гнилыхъ рѣчекъ благоприятствуетъ изобилію здѣсь вьюновъ, живущихъ въ тиѣ. Вьюновъ ловятъ во всякое время года, но особенно богатый уловъ бываетъ лѣтомъ, когда нѣсколько подсохнутъ болота, и вьюны соберутся въ болѣе глубокія мѣста въ озера и въ такъ называемые „выжары“ (углубленія среди болотъ, наполненныя тиной), и зимою, когда вода покроется льдомъ, и вьюны собираются въ незамерзшія „прѣльыя“ мѣста. Въ этихъ мѣстахъ ихъ бываетъ такое множество, что можно ловить руками, безъ особыхъ приспособленій. Зимою на озерахъ

или „выжарахъ“ въ незамерзшей „продушинѣ“ (полыннѣ) или, прорубая ледъ, ставятъ особое рѣшето и покрываютъ его вишарникомъ¹⁾ или навозомъ, чтобы вода не замерзала. Рѣшето это устраиваютъ слѣдующимъ образомъ: дно обечайки отъ рѣшета обшивается холстомъ такъ, что представляетъ конусъ, доходящій почти до половины обечайки. Въ вершину конуса вставляется трубочка изъ бересты въ 10 снт. длиною, 3 снт. въ диаметрѣ. Вьюны ищутъ продушины, пролѣзаютъ съвозъ трубочку въ рѣшето и остаются въ немъ, ибо не могутъ попасть обратно въ трубочку.

Одинъ промышленникъ ставитъ нѣсколько такихъ снарядовъ и, переходя отъ одного къ другому, выбрасываетъ вьюновъ на ледъ. Лѣтомъ ловля вьюновъ производится „сачкомъ“. Это небольшая конусообразная, съ одной плоской стороной, корзина изъ прутьевъ; высота 70—100 снт., диаметръ основанія 50—70 снт.; къ основанію придѣлана вилообразная ручка (длина 150—200 снт.). На челнокѣ пробираются въ озеро или „выжаръ“, опускаютъ „сакъ“ плоской стороной внизъ и погружаютъ его въ тину. Тутъ рыбакъ, поддерживая одной ногой „сакъ“, другой оставаясь въ челнокѣ, хлопаетъ весломъ предъ отверстиемъ „сака“, чтобы загнать вьюновъ, потомъ быстро за ручку приподнимаетъ и выбрасываетъ вьюновъ въ челнокъ. Такія манипуляціи продѣлываетъ рыбакъ до тѣхъ поръ, пока челнокъ наполнится вьюнами. Тутъ остается только доставить вьюновъ на берегъ. Но это самое трудное дѣло, такъ какъ по тинѣ челнокъ еле подвигается, а до сухого мѣста не близко. Вотъ почему обыкновенно для ловли вьюновъ отправляются въ дальнія озера недѣли на двѣ; избираютъ гдѣ-нибудь среди озеръ возвышенный берегъ для стоянки и отсюда отправляются на ловлю. Вечеромъ разводятъ костеръ, по сторонамъ котораго вбиваютъ въ землю „сушкы“ (столбики) и кладутъ на нихъ жердочки. Вьюновъ нанизываютъ головками на прутья (длина 50—60 снт.) вплотную и цѣпляютъ эти „мѣтки“ на жердочки надъ жаромъ. Вьюны поджариваются, а потомъ засушиваются на солнцѣ. Шестьдесятъ „мѣтокъ“ составляютъ „кбпу“, а шестьдесятъ „копъ“—„тростъ“.

Каждый хорошій рыбакъ до тѣхъ поръ не возвращается домой, пока не заготовитъ „троста“ вьюновъ. Не легкая это работа: цѣлый день стоять на одной ногѣ въ зыбкомъ челнокѣ, рискуя каждую минуту свалиться въ тину, питается только

¹⁾ Вишарникъ, вѣшь или ветошь—скошенная по льду трава.

одними вьюнами, спать на голой землѣ подь открытымъ небомъ во всякую погоду, а тутъ мириады комаровъ и мошекъ сосутъ кровь, забираются въ носъ, глаза, уши и причиняютъ нестерпимыя мученія. Только огрубѣвшая кожа полѣшука въ состояніи отчасти защитить отъ смертельныхъ страданій.

Но всѣ эти трудности переносятся безропотно, ибо несчастные обитатели этихъ мѣстъ не видятъ лучшей жизни. Дика и безжалостна полѣсская природа; она не балуетъ своихъ дѣтей. Съ другой стороны нужда гонитъ человѣка въ тяжелыя условія и заставляетъ преодолевать всевозможныя трудности.

Когда вьюны на „мѣткахъ“ просохнуть, ихъ на челнокахъ перевозятъ домой. Здѣсь часть для своего употребленія снимаютъ съ „мѣтокъ“ и складываютъ въ „урѣзки“ (разрѣзанныя пополамъ бочки), пересыпаютъ солью и закрываютъ деревяннымъ кругомъ. Лучшій, болѣе крупный сортъ вьюновъ идетъ въ продажу. Обыкновенно полѣшуки вывозятъ вьюновъ въ полевныя мѣста и тамъ обмѣниваютъ ихъ на хлѣбъ, ленъ, коноплю и т. п. продукты домашняго обихода или продаютъ по 2—5 коп. за „мѣтку“. Въ зимнее время вьюновъ сушатъ въ вытопленной печи на соломѣ. Этотъ сортъ вьюновъ дешевле цѣнится и больше идетъ для своего употребленія. Вьюны мѣстными жителями употребляются въ пищу въ разныхъ видахъ. Свѣжіе вьюны поджариваются на сковородѣ и подаются гостямъ, какъ лавомое блюдо. Въ сухомъ видѣ ихъ ѣдятъ, посыпая солью. Въ вареномъ видѣ вьюны кладутся въ борщъ, щи, супъ, кашу и т. п. Вообще въ полѣсской части Бѣлоруссіи вьюны составляютъ главнѣйшую часть пищи.

Бываютъ мокрые годы: рѣчки и озера выходятъ изъ береговъ, и вода разливается по болотамъ, тогда вьюны расходятся въ разныя мѣста и не поддаются улову. Такіе годы—истинное бѣдствіе для полѣшука. Болота, которыя даютъ почти всѣ средства къ жизни простолюдина, при обиліи дождей превращаются въ сплошныя озера, на которыхъ разгуливаютъ стаи дикихъ утокъ и другихъ водяныхъ и голенастыхъ птицъ. Трава погибаетъ не скошенной; вьюны и другія рыбы расходятся по всему болоту; ни скоту, ни человѣку не пробраться черезъ топкія торфяныя мѣста; полѣсье буквально отрѣзывается отъ всего остального міра—тогда полѣшуки сильно голодаютъ. Рассказываютъ, что послѣ одного такого мокраго лѣта крестьяне сами питались дикими яблоками, грушами, желудами и даже пыреемъ, а скотъ всю зиму пасли по лѣсамъ.

IV. Т а л а к а.

Въ Толковомъ Словарѣ живого великорусскаго языка В. Даля подѣ словомъ „помѣчь“ между прочимъ сказано: „помѣчь сѣв. и вост. толѣка южн., работа міромъ, за угощеніе“. Толѣка или, какъ произносятъ бѣлоруссы, талака, т. е. помощь міромъ въ исполненіи большого или тяжелаго дѣла, не посильнаго одному семейству, въ полѣвской части Бѣлоруссіи до послѣдняго времени примѣняется очень часто въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ. Признакъ угощенія при работахъ талакою не можетъ считаться существеннымъ, такъ какъ онъ имѣетъ мѣсто только въ такихъ случаяхъ, когда талаку собираютъ помѣщики, священники, волостные писаря и т. п. лица, не принадлежащія къ крестьянской средѣ. Талака — древній народный обычай. Онъ распространенъ по всей Бѣлоруссіи. Въ крестьянскомъ быту талака, какъ и всякая другая помощь, обходится безъ угощенія. Нерѣдко міромъ исполняются большія работы лишь за словесную благодарность. Бѣлоруссъ отличается добротой и состраданіемъ; у него мягкій, покладистый характеръ. Этими качествами народнаго характера и существующимъ обычаемъ безвозмездной помощи при большихъ и трудныхъ работахъ воспользовались „паны“ съ корыстной цѣлью и устраиваютъ талаку за угощеніе водкой. Здѣсь, какъ и всюду на Руси, простолюдины имѣютъ склонность къ вину. Зная эту народную слабость, „паны“ довольно часто собираютъ талаку въ такихъ случаяхъ, когда почему-либо нельзя нанять рабочихъ или не желательно платить за работу большія деньги, тогда какъ угощеніе участниковъ талаки обходится гораздо дешевле. Но это уже исковерканный „панами“ прекрасный обычай помогать другъ другу въ несчастія или при выполненіи трудныхъ и непосильныхъ работъ. Здѣсь довольно низкія корыстные цѣли, тогда какъ въ народномъ быту талака имѣетъ основанія и задачи болѣе высокаго нравственнаго и соціальнаго порядка. Сюда относятся работы по устройству жилищъ, плотинъ, „езовъ“ (перегородки рѣки для ловли рыбы), володцевъ и т. п. До послѣдняго времени талака въ своемъ чистомъ видѣ имѣетъ мѣсто, по преимуществу, въ такихъ случаяхъ, когда одной семьѣ не подѣ силу справиться съ большой, тяжелой работой или стихійными бѣдствіями. Такъ, напримѣръ, пожаромъ или наводненіемъ уничтожены постройки или другія хозяйственныя сооруженія; одна семья безсильна, и она прибѣ-

гаеть къ общественной помощи. Главные работники въ семьѣ подверглись тяжелой и продолжительной болѣзни и не могли убрать своевременно сѣно или хлѣбъ—туть собирають талау, которая безъ всякаго угощенія или платы производитъ необходимыя работы. Надо доставить тяжелые матеріалы для построекъ, или поднять ихъ на значительную высоту, а хозяинъ одинокій, бѣдный человѣкъ, у котораго и лошаденка-то еле передвигаетъ ноги—собираются сосѣди и талакою исполняютъ все, что нужно. Народный обычай требуетъ не отказываться отъ приглашенія на талаку. Кто увлоняется отъ помощи другимъ, тому и общество не поможетъ въ бѣдѣ. „Усіа падъ Богомъ ходзимъ“, говорятъ бѣлоруссы, а потому они строго соблюдаютъ этотъ обычай и идутъ на талаку даже къ зажиточнымъ односельчанамъ, которые могли бы нанять рабочихъ, не прибѣгая къ общественной помощи. „Нехай намъ Буогъ заплациць“, говорятъ, когда богатые люди приглашаютъ на талаку, ссылаясь на бѣдность, и добавляють: „за непраўду ихъ Буогъ сварае“.

Насколько въ Бѣлоруссіи распространенъ обычай собирать талаку, позволю себѣ привести нѣсколько бытовыхъ сценъ изъ этой области, которыя мнѣ пришлось лично наблюдать.

Въ бѣлорусскомъ Полѣсьѣ еще и въ настоящее время многія рѣчки дѣлятся крестьянами на участки, и находящаяся въ каждомъ изъ этихъ участковъ рыба считается собственностью отдѣльныхъ домохозяевъ. Участки отгораживаются „езами“. Поперекъ черезъ рѣчку вбиваются на разстояніи одинъ отъ другого въ $\frac{1}{2}$ аршина длинные колья, выходящіе изъ воды на 2—3 аршина; колья привязываются къ горизонтальнымъ жердямъ, идущимъ отъ одного берега до другого. Между кольями плотно набивается фашиникъ, и „езъ“ готовъ. Это настоящая запруда, сильно задерживающая теченіе воды. Чтобы напоръ воды не опрокинулъ „еза“, его укрѣпляютъ противъ теченія подпорками изъ крѣпкихъ бревенъ. Въ продѣланныя отверстія еза вставляются коши, жаки, венцера и т. п. рыболовные снаряды. Кромѣ прямого назначенія—ловли рыбы—езы служатъ мостиками для перехода черезъ рѣчки. Мѣстные жители обоего пола, всѣхъ возрастовъ, осторожно ступая на жердь или фашиникъ и ловко цѣпляясь обѣими руками за полусгнившіе колья, словно пауки за паутину, быстро перебираются черезъ рѣчки; иногда они совершаютъ таковой переходъ даже съ тяжелой ношей за плечами. Жутко смотрѣть, когда иная женщина, съ положеннымъ въ колыбель за плечами груднымъ ребенкомъ,

идеть по такому мосту. Подъ ногами шумить и хлопочетъ вода, езь шатается, колья трещать, а мать съ кажимъ-то окаменѣлымъ, безстрастнымъ выраженіемъ на лицѣ медленно и плавно подвигается впередъ, продѣлывая руками какіе-то магическіе пассы. Страшно. Невольно думается, что вотъ-вотъ одинъ невѣрный шагъ, или неловкое движеніе руки и несчастная женщина вмѣстѣ съ ребенкомъ ринется въ омутъ. Дѣйствительно, несчастные случаи здѣсь нерѣдки. Въ одну изъ моихъ поѣздокъ на Полѣсье, кажется въ 1894 году, въ д. Чудинѣ, Слуцкаго уѣзда, Минской губерніи, одна женщина свалилась съ еза вмѣстѣ съ годовымъ ребенкомъ; къ счастью быстрымъ теченіемъ ее отнесло къ торчащему изъ воды колу изъ стараго езовища. Бѣдняжка около часа держалась на водѣ, ухватившись одной рукой за колы, а другой поддерживая ребенка, пока случайные рыбаки подоспѣли на помощь. Мощный напоръ воды довольно часто опрокидываетъ такіе езы. Для исправленія разрушеннаго еза и для возведенія новаго сплошь и рядомъ созывается талака, такъ какъ одна семья не можетъ справиться съ теченіемъ рѣки. Но особенно характерна талака, имѣющая цѣлю оказать помощь хозяину, пострадавшему отъ пожара или наводненія, когда требуется возвести новыя жилища или служебныя постройки. Въ такихъ случаяхъ на талаку являются всѣ, кто чѣмъ можетъ оказать помощь: мужчины — одни пѣшіе съ топорами, пилами и другими плотничьими инструментами — другіе на лошадяхъ или волахъ для вывозки бревенъ и прочихъ строительныхъ матеріаловъ, женщины и даже подростки для копанія глины, изготовленія кирпичей, заготовки моха и т. п. Кромѣ личнаго труда нерѣдко участники талаки приносятъ съ собою по „кулю“ (снопъ) соломы или „чаратѣ“ (болотное растеніе изъ породы тростника или камыша), по нѣскольку кирпичей или другихъ строительныхъ матеріаловъ. Тутъ нѣкоторые, кромѣ физическаго труда, оказываютъ помощь своими строительными способностями и указаніями. Само собою разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ, когда на талаку собирается вся деревня, не можетъ быть и рѣчи объ угощеніи въ томъ или иномъ видѣ. Вечеромъ или по окончаніи работъ хозяинъ благодаритъ принявшихъ участіе въ талакѣ, говоря: „дайкуй вамъ! нехай вамъ Буогъ заплациць за турбацу!“ Этими и оканчивается талака. Бываютъ случаи, когда талака служитъ своего рода епортомъ. Тутъ собираются лучшіе работники или работницы и устраиваютъ своеобразныя состязанія въ ловкости и умѣніи трудиться. Конечно, такія состязанія могутъ быть

при разныхъ видахъ работъ, когда собирается много рабочихъ и есть предъ кѣмъ щегольнуть ловкостью или похвастать силой и умѣніемъ. На талакѣ какъ нельзя болѣе состязанія достигаютъ своей цѣли, а потому чаще практикуются. Вотъ, почему-либо, приглашаютъ на талаку для кошенія травы. Косцы берутъ лучшія косы, долго вклеплютъ ихъ и оттачиваютъ, а потомъ принимаются за косьбу въ перегонку. Сначала косцы выступаютъ стройной шеренгой и быстро двигаются впередъ по діагонали. Скоро нѣкоторые изъ нихъ уходятъ впередъ, другіе же, обкошенные противниками, выбиваются изъ строя и занимаютъ мѣсто на правомъ флангѣ. Весело сверкаютъ на солнцѣ длинныя косы, трава ложится, словно по мановенію волшебнаго жезла, работа кипитъ, раздаются бодрящіе возгласы, крики одобренія и насмѣшливыя замѣчанія и остроты по адресу отставшихъ. Все это вызываетъ шутки, прибаутки, смѣхъ и создаетъ такое веселое, бодрое настроеніе, при которомъ продуктивность работы сильно повышается. Подобныя состязанія въ работѣ устраиваются и женщинами во время жатвы талакою. Тутъ нѣкоторыя, особенно взрослые дѣвицы—невѣсты напрягаютъ всѣ усилія, чтобы заявить предъ міромъ о своей ловкости и трудоспособности. И слѣдуетъ замѣтить, что судьба бѣлорусской дѣвушки въ большинствѣ случаевъ зависитъ отъ того успѣха въ работѣ, какимъ она (дѣвушка) заявила себя во время талака. Аналогичныя состязанія ведутся при разнообразныхъ работахъ, которыя производятся талакою. Эти состязанія съ одной стороны возбуждаютъ бодрость и стараніе при бесплатныхъ работахъ и тѣмъ увеличиваютъ продуктивность труда, съ другой стороны понуждаютъ лѣнливыхъ и приучаютъ ихъ добросовѣстно относиться ко всякому дѣлу. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ состязанія принимаютъ довольно уродливыя и даже опасныя формы. Такъ, напримѣръ, иногда поднимаются споры о томъ, кто изъ присутствующихъ сильнѣе. Споры оканчиваются состязаніями, которыя сплошь и рядомъ влекутъ за собою несчастные случаи: одинъ подниметъ чрезмѣрную тяжесть и тѣмъ разстроитъ свое здоровье, другой при малѣйшей неловкости подвергаетъ себя большой опасности и т. п. Тутъ обыкновенно присутствующіе устраиваютъ пари: кто побѣдитъ, тотъ получаетъ призъ, а кто останется побѣжденнымъ, тотъ платитъ этотъ призъ или угощаетъ всю компанію водкой. Въ с. Комаровичахъ, Мозырскаго уѣзда, Минской губерніи жилъ лично мнѣ извѣстный плотникъ—бочарь, котораго называли Янгомъ Бондаромъ. Онъ отличался такою ловкостью, что много

разъ бралъ самые рискованные призы. Янко Бондаръ по виду самый обыкновенный безсильный и неуклюжій полѣшукъ, а на самомъ дѣлѣ въ немъ скрывалась большая физическая сила и необыкновенная ловкость. Такъ, одинъ разъ на талакѣ, при вывозѣ лѣсныхъ матеріаловъ, для построекъ крестьяне заспорили, кто подниметъ наибольшую тяжесть. Янко влѣзъ подъ лошадь, понатужился и понесъ ее на плечахъ, за что получилъ гарнецъ водки, которую онъ очень любилъ пить. Дальше онъ много разъ продѣлывалъ такіе примѣры ловкости: обыкновенно беретъ три топора и бросаетъ ихъ по одиночѣ по направленію сосны на разстояніи 10 шаговъ. Топоръ дѣлаетъ въ воздухѣ нѣсколько оборотовъ и вбивается въ сосну съ такою силой, что Янко по этимъ топорамъ взбирается на сосну, какъ по лѣстницѣ. Но самый опасный примѣръ ловкости Янкомъ продѣлывался много разъ такимъ образомъ: вотъ онъ кладетъ на бревно лѣвую руку съ растопыренными пальцами ладонью внизъ, а въ правую руку беретъ большой и тяжелый топоръ и со всего размаха рубитъ бревно съ такимъ расчетомъ, чтобы лезвее топора поочередно попадало между пальцами. Только одинъ разъ такой приѣмъ былъ неудаченъ для нашего гимнастера—топоръ задѣлъ безымянный палецъ и отхватилъ полоску кожи. Впрочемъ Янко повторилъ свой приѣмъ и окончилъ его удачно, за что присутствовавшимъ при этомъ помѣщикомъ былъ награжденъ ведромъ водки.

Само собою разумѣется, что подобныя состязанія и споры могутъ имѣть мѣсто не только при исполненіи работъ талакою, но и во всякое другое время. Но на талакѣ, когда собирается много работниковъ, когда индивидуальный трудъ на виду у всѣхъ, состязанія въ работѣ и т. п. стремленія личности заявить о себѣ, похвастать своею силой и ловкостью предъ товарищами, имѣютъ свое психологическое основаніе.

Талака въ Бѣлоруссіи сохранилась и до настоящаго времени, но къ ней теперь больше прибѣгаютъ лица, не принадлежащія къ крестьянской средѣ, съ чисто корыстными цѣлями. Къ такимъ „господамъ“ крестьяне идутъ на талаку по необходимости, чтобы не навлечь на себя неудовольствія. Не даромъ существуютъ пословицы— „Бога хвали й чорта не гнѣви“ или: „пана на шыбеницу (виселица) ведуць, а мужыкъ шапку здымай, бо язь атарветца, та й атрыгнетца“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Сергюттовскій.

Очерки Бѣлоруссіи.

V. Каѣтунъ (колтунъ).

„Колтунъ вѣроятно... обязанъ своимъ происхожденіемъ какому-нибудь микро-организму, свойственному болотамъ Полѣсья и здѣсь, при извѣстныхъ условіяхъ, попадающему въ организмъ человѣка“. Россія. Верхнее Поднѣпровье и Бѣлоруссія, т. IX, стр. 26.

Кому пришлось бывать въ болотистыхъ мѣстахъ Бѣлорусскаго Полѣсья, расположеннаго по притокамъ рѣки Припяти, тотъ, вѣроятно, обратилъ вниманіе, что у многихъ жителей этого края волосы на головѣ сбиты въ отдѣльныя войлокообразныя косички или образуютъ одинъ огромный „каѣтунъ“ (колтунъ). Въ науцѣ по вопросу о причинахъ появленія колтуна существуетъ два мнѣнія: одни изслѣдователи склонны допустить, что колтунъ обязанъ своимъ происхожденіемъ неизвѣстному еще какому-нибудь микроорганизму, попадающему изъ болотъ въ кровь человѣка; другіе же наоборотъ—приписываютъ появленіе колтуна всецѣло нечистоплотности мѣстныхъ жителей. Последнее мнѣніе, кажется, преобладаетъ среди врачей. Во всякомъ случаѣ вопросъ о причинахъ появленія колтуна пока остается открытымъ.

Колтунъ или по мѣстному „каѣтунъ“—такая болѣзнь, свойственная Полѣсью, при которой въ извѣстной стадіи ея развитія, волосы на головѣ человѣка какъ-то сразу, неожиданно становятся жирными, маслянистыми, сбиваются въ видѣ войлока и всажаются отдѣльными косичками или образуютъ одну сплошную свалывшуюся массу. Надо замѣтить, что такому измѣненію подвергается только часть волосъ, тогда какъ остальные сохра-

няются въ прежнемъ видѣ. Обыкновенно въ косички сбивается только нѣсколько прядей волосъ. Эти волосы растутъ, и колтунъ постепенно становится все длиннѣе и длиннѣе. Иногда онъ даже у мужчинъ достигаетъ до пояса и ниже. У жены священника Чеховича, проживавшей возлѣ озера Князь (или Жидь) Мозырскаго у. Минской губ., былъ такой огромный колтунъ, что лишалъ несчастную женщину возможности ходить, и она, какъ рассказываютъ очевидцы, оставалась въ кровати около тридцати лѣтъ. Колтунъ, достигшій необычайныхъ размѣровъ, лежалъ тутъ же на стулѣ рядомъ съ больной. Однажды мнѣ пришлось видѣть молодую дѣвушку лѣтъ 17, у которой нѣсколько сбитыхъ въ косички прядей волосъ достигали ступней. Колтуны были темно-желтаго грязноватаго цвѣта, тогда какъ остальные волосы напоминали свѣтлыя пряди льна. Колтунъ боится срѣзывать изъ опасенія заболѣть. По народному возрѣнію, при всякомъ насильственномъ удаленіи колтуна, развиваются самыя разнообразныя болѣзни. Удалить колтунъ безъ вреда для организма могутъ только люди свѣдущіе, такъ называемые знахари или колдуны. Появленіе колтуна, какъ думаютъ полѣшукі, благотворно вліяетъ на организмъ, зараженный колтуннымъ ядомъ, такъ какъ послѣдній уходитъ въ волосы, не вызывая болѣзненныхъ симптомовъ. Это своего рода громоотводъ или предохранительный клапанъ. Народной мудростью подмѣчена взаимная связь между колтуномъ и нѣкоторыми болѣзненными состояніями организма. Очевидцы, слова которыхъ заслуживаютъ довѣрія, приводятъ много примѣровъ такой взаимной связи. Для иллюстраціи приведу нѣкоторые изъ нихъ. Одинъ, еще молодой человѣкъ, нѣсколько лѣтъ страдалъ сильно зловонными гнойными ранами на голеняхъ. Эти раны то покрывались струпами, то вновь гноились, а иногда открывались и новыя. Были испробованы всѣ домашнія средства,—ничто не помогало: раны зіяли и распространяли такое зловоніе, что даже полѣшукі, привыкшіе къ всевозможнымъ запахамъ, не могли оставаться вблизи больного. Прошло нѣсколько лѣтъ. Но вотъ неожиданно, въ одну ночь на головѣ у больного появился колтунъ. Вслѣдъ за нимъ въ одну недѣлю раны закрылись и совершенно исчезли. Прошло 3—4 года; колтунъ выросъ до пояса. Надоѣло тому человѣку возиться съ длинной косой, а тутъ еще сосѣди начали надъ нимъ насмѣхаться, называя его „каутунаватымъ“. Разсердился онъ, пошелъ къ кузнецу и рассказалъ о своемъ желаніи отрѣзать колтунъ. Кузнецъ навалилъ желѣзо и отжегъ колтунъ почти у самаго корня.

Съ тѣхъ поръ, говорятъ, у того человѣка опять открылись раны на ногахъ и были до тѣхъ поръ, пока не выросъ новый колтунъ.

Разсказываютъ еще такой случай. Молодой парень, лѣтъ пятнадцати, сынъ зажиточнаго крестьянина занимался пастьбой скота. На Полѣсѣ скотъ пасутъ по лѣсамъ и преимущественно по грязнымъ моховымъ болотамъ. Пастьба начинается съ ранней весны и продолжается до поздней осени. Болота все время покрыты гнилой, стоячей водой. Пастухи цѣлые дни стоятъ по колѣно въ водѣ или грязи. Надо удивляться выносливости этихъ злосчастныхъ людей, которые весной, когда едва растаетъ ледъ, проводятъ полъ сутокъ въ холодной водѣ. Само собою разумѣется, что это не проходитъ даромъ: въ большинствѣ случаевъ пастушескія занятія разстраиваютъ здоровье на всю жизнь. Болотныя лихорадки, ревматизмы, всевозможныя раны на ногахъ и т. п. болѣзни не повидаютъ пастуховъ. Такъ и тотъ парень разболѣлся весной и хворалъ все лѣто. Прежде у него была ломота въ костяхъ, общее недомоганіе, головныя боли и судорожныя подергиванія лицевыхъ мускуловъ; потомъ ноги ниже колѣнъ покрылись мокрыми злокачественными лишаями. Призванный на помощь знахарь далъ какихъ-то снадобій и велѣлъ ими смочить больному волосы. Лишь только больной смочилъ волосы, какъ они сбились въ войлокъ и образовали колтунъ. Тогда только всѣ поняли, что бѣднику мучилъ „патаёмны каўтунъ“, т.-е. скрытая форма колтуна. Съ появленіемъ на головѣ колтуна всѣ болѣзненные припадки мало-помалу начали ослабѣвать и скоро совсѣмъ исчезли.

Полѣшукі передаютъ безчисленное множество аналогичныхъ случаевъ, указывающихъ на то, что скрытая форма колтуна причиняетъ людямъ цѣлый рядъ недомоганій и другихъ болѣзненныхъ явленій, которыя исчезаютъ, когда свивается колтунъ и появляются вновь при его насильственномъ устраненіи. По народному воззрѣнію, нѣтъ опредѣленныхъ симптомовъ скрытой формы этой болѣзни, она принимаетъ самыя разнообразныя виды болѣзненныхъ явленій и общихъ недомоганій: болитъ голова—простолудины говорятъ: „мабыць у гдлаў уплюнуўса каўтунъ“; появится ли общее недомоганіе или ревматическія страданія, а то ломота въ костяхъ—все это приписывается скрытой формѣ колтуна. Золотуха, злокачественные лишай и упорныя, не поддающіяся лѣченію домашними средствами гнойныя зловонныя раны являются, по понятіямъ полѣшуконъ, несомнѣнными признаками колтуна. Въ такихъ

случаяхъ уже обращаются за помощью въ знахарямъ. По лѣченію колтуна и „рожи“ (рожистое воспаленіе) имѣются спеціальныя знахари и знахарки. Любопытно, что лѣченіемъ колтуна занимаются въ большинствѣ случаевъ знахари и знахарки, принадлежащіе къ крестьянской средѣ, тогда какъ „открысываюць рожу“ (лѣчатъ рожистыя воспаленія) больше лица, составляющія, такъ называемую, сельскую интеллигенцію, какъ-то: помѣщики, священно и церковнослужители, чиновники и т. п. Обыкновенно при упорныхъ и продолжительныхъ заболѣваніяхъ неопредѣленнаго характера обращаются прежде всего къ своему брату—знахарю. Тотъ опрашиваетъ больного, выдергиваетъ у него три волоса, обрѣзываетъ на мизинцахъ ногти и все это опускаетъ въ стаканъ воды. Долго и пристально смотритъ знахарь въ эту воду, предлагаетъ больному разные вопросы и наконецъ объявляетъ результаты своихъ наблюденій и изслѣдованій. Онъ говоритъ, какая тутъ болѣзнь—„каутунъ“, или „рѣжа“. Когда сдѣланъ діагнозъ, знахарь приступаетъ къ лѣченію болѣзни заговорами, травами и другими средствами. Но, когда при изслѣдованіи находятъ, что болѣзнь не его специальности, напр. „рожа“, а не колтунъ, знахарь заявляетъ объ этомъ больному и направляетъ его къ другому специалисту. Если же болѣзнь сложная, т.-е. та и другая вмѣстѣ, что обыкновенно находятъ знахари, то они лѣчатъ только по своей специальности, напр. колтунъ, а для излѣченія отъ „рожи“ отсылаютъ больного къ другимъ свѣдущимъ лицамъ. Такой приемъ вполне гарантируетъ довѣріе больныхъ къ цѣлительнымъ способностямъ знахаря. Послѣ авторитетнаго опредѣленія рода болѣзни ищутъ спеціальныхъ цѣлителей „рожи“. Таковыми, какъ мною замѣчено выше, въ большинствѣ случаевъ являются „господа“, которые хотя и получили кое-какое образованіе, но остались не менѣе крестьянъ суевѣрными и невѣжественными въ области медицины.

Въ ихъ средѣ, кромѣ универсальныхъ цѣлителей, есть еще специалисты по лѣченію отдѣльныхъ болѣзней, какъ-то: рака, рожи, волчанки, эпилепсін и др. Характерно, что эти господа, подобно знахарямъ и колдунамъ, лѣченіе медикаментами и разными секретными средствами сопровождаютъ заговорами и чародѣйственными обрядностями. Такъ, при лѣченіи „рожи“ надъ головою больного при помощи огня кресаютъ огонь, произнося соответствующія случаю заклинанія, потомъ зажигаютъ свѣчу, обносятъ ее три раза вокругъ пациента и ставятъ ему на макушкѣ. Всѣ эти приемы сопровождаются заговорами, ко-

торне сохраняются въ тайнѣ. Это называется „атересаць рѣжу“. Къ подобнымъ манипуляціямъ прибѣгаютъ при лѣченіи и другихъ болѣзней.

Какъ уже было сказано выше, болѣзнь колтунъ въ скрытомъ видѣ не имѣетъ строго выраженныхъ признаковъ; всякое упорное и продолжительное недомоганіе почитается „патаемнымъ“ колтуномъ. Для избавленія отъ такого недуга, кромѣ знахарей, огромной популярностью пользуются нѣкоторыя „прѣщы“ (чудотворныя мѣста, какъ-то: камни, ключи, деревья и т. п.). Въ эти чудотворныя мѣста стекается множество различныхъ больныхъ, чающихъ исцѣленія, но больше всего здѣсь попадаютъ страдающіе колтуномъ. Одни добиваются, чтобы колтунъ свился въ волосахъ и такимъ образомъ, вышелъ изъ организма; другіе же ищутъ способовъ, чтобы безъ вреда для здоровья избавиться отъ лишней обузы, большого колтуна, который нерѣдко стѣсняетъ при работахъ. Вообще, эта, столь распространенная среди полѣшуконъ болѣзнь, причиняетъ имъ много страданій и стоитъ большихъ жертвъ.

VI. Запасваніе гаўяда.

Обширные лѣса и огромныя болота въ Полѣсской части Бѣлоруссіи являются благоприятными факторами для разведенія скота. И дѣйствительно, скотоводство составляетъ здѣсь главнѣйшую отрасль крестьянскаго хозяйства. Но скоть тутъ не обновляется лучшими породами, а изъ-повонъ вѣка разводится все одно и то же мелкое полѣсское „гаўядо“. Тоже надо сказать и относительно коневодства и овцеводства. Доморощенные лошади здѣсь маленькія, малосильныя, но отличаются большой способностью долго быть безъ корма и перевозить человека черезъ такіе „грѣбли“ (плотины), броды и болота, куда хорошая лошадь не сдѣлала бы и одного шага. Полѣсская „кабылка“ зимой питается только жесткимъ болотнымъ сѣномъ, а съ ранней весны и до поздней осени подбирается тѣмъ скуднымъ подножнымъ кормомъ, какой попадаетъ возлѣ деревни, а въ дорогѣ—по пути. Мнѣ какъ-то надо было изъ с. Комаровичъ съѣздить въ с. Глушкевичи. Хотя эти села находятся въ одномъ и томъ же Мозырскомъ у., но разстояніе между ними по полѣсскимъ проселочнымъ дорогамъ доходитъ до 200 верстъ. Путь лежалъ черезъ самыя глухія полѣсскія дебри. Была лѣтняя пора во время жатвы. Жители заняты работой:

нанять перекладныхъ лошадей невозможно; пришлось ѣхать на долговыхъ. Мой возница не взялъ съ собой никакого корма для лошадей, хотя мы отправлялись въ дорогу на цѣлую недѣлю. Дѣйствительно, всякіе запасы корма для лошадей оказались бы излишними, такъ какъ наши „влячи“ довольствовались тѣмъ скуднымъ подножнымъ кормомъ, какой попадался при остановкахъ на „папасъ жиўёла“ (пастьба животныхъ). Овцы здѣсь тоже не прихотливы; онѣ зимой питаются тѣмъ же жесткимъ болотнымъ сѣномъ, а лѣтомъ пасутся по лѣсамъ или даже вмѣстѣ съ прочимъ скотомъ по болотамъ. Волна на полѣсскихъ овцахъ жесткая, грязная, испачканная смолою.

Но, нужно отмѣтить, что простолюдинъ любить свой скотъ и всѣхъ домашнихъ животныхъ, дѣлится съ ними послѣднимъ кускомъ хлѣба, иногда самъ долгое время остается голоднымъ, гдѣ-нибудь въ полѣ или въ лѣсу съ тою цѣлью, чтобы накормить свое рабочее „гаўядо“. Убѣленные сѣдинами и умудренные житейскимъ опытомъ старики, обыкновенно говорятъ молодымъ, въ видѣ наставленій и совѣтовъ: „Самъ не ѣшь (ѣсть), а каню дай. Даглець каня дома, та ёнъ тебе ў дарбзе (дагледвиць). Вала першъ пакармі, тагды дайми (требуи работы). У дарбзе не кўонъ везе, а аўёсь. Якъ дагледаў (гаўядо), такъ и Буогъ даў. Гаўядо бы дзниця: голадно—не скажэ“. Дѣйствительно, мѣстные жители большую долю своего труда затрачиваютъ на добываніе корма и уходъ за домашними животными. „Е гаўяду сѣно“,—говорятъ бѣлоруссы—„будзе й хлѣбъ“. Въ описываемой мною мѣстности Бѣлорускаго Полѣсья, по среднему теченію рѣкъ Лани, Морочи, Случи, Оресы и Птича, крестьяне разводятъ сравнительно много домашняго скота мелкой породы. Такъ, у нѣкоторыхъ зажиточныхъ домохозяевъ бываетъ 30—40 шт. рогатого скота, 3—4 лошади, 10—20 овецъ и нѣсколько свиней, а то и козъ. Само собою разумѣется, что для прокормленія въ зимнее время такого количества „живьёлы“ требуется много корма, на заготовку котораго затрачивается полѣшуконъ огромный трудъ. Вотъ почему простолюдины съ такою радостью встрѣчаютъ наступленіе весны и такъ торжественно обставляютъ „запасване гаўяда“, т.-е. первый выгонъ скота на подножный кормъ.

Въ самомъ дѣлѣ, каждый хорошій, предусмотрительный хозяинъ долженъ лѣтомъ заготовить такой запасъ сѣна, чтобы его оказалось въ достаточномъ количествѣ и въ запоздалую весну.—Да Юрья (23, IV) трэ, кабъ было и ў дурня (сѣно).—Если къ трудности заготовки сѣна прибавить еще трудность

его перевозки съ топкихъ, не всегда замерзающихъ болотъ, по которымъ приходится предварительно протапывать дорогу, чтобы она замерзла, то станетъ понятнымъ радость простолюдина, когда его скоть получаетъ возможность добывать себѣ кормъ безъ всякой затраты человѣческаго труда. Конечно, тутъ являются новые враги полѣшука въ лицѣ волковъ и медвѣдей, которые портятъ и загрызаютъ скоть въ лѣсу во время пастбы. Но такъ какъ, по народнымъ воззрѣніямъ, всякое несчастье насылается лихими (злыми) людьми, имѣющими сношеніе съ нечистою силою, то волковъ и медвѣдей не считаютъ истинными виновниками, а на нихъ смотрятъ, какъ на орудіе въ рукахъ темной силы, противъ которой и принимаютъ необходимы мѣры при „запасваніи гаўада“.

„Запасване“ является настоящимъ праздникомъ всей семьи и пастуховъ по преимуществу. Обставляется этотъ праздникъ цѣлымъ рядомъ обрядностей и сопряженъ съ множествомъ суевѣрныхъ примѣтъ и предрасудковъ. На обрядностяхъ этого дня я остановлюсь нѣсколько подробнѣе. „Запасванію гаўада“—рогатаго домашняго скота предшествуетъ, нѣкоторымъ образомъ, семейный совѣтъ, состоящій изъ домохозяина и всѣхъ членовъ семьи. Обсуждаются вопросы—своевременно ли „запасваяць гаўадо?“ Подходящій ли день въ недѣлѣ и по фазамъ луны? Нѣтъ ли какихъ-либо дурныхъ примѣтъ? Кто назначается въ пастухи? Все ли готово къ совершенію обряда? и т. п. Надо замѣтить, что понедѣльникъ и пятница почитаются несчастливими днями, почему ихъ избѣгаютъ для начала какого бы то ни было предпріятія. Запасываніе скота, какъ и другія начинанія, принаравливаютъ ко днямъ, приближающимся къ полнолунію,—„кабъ усѣ было пбўно“. Кромѣ того, присматриваются къ примѣтамъ, не указываютъ ли онѣ на какое-либо неблагополучіе. Такъ напр., упавшая со стола ложка предвѣщаетъ несчастье; когда бьется посуда—быть худу; погасшій въ „ямцѣ“ (загнѣтъ) огонь знаменуетъ приближеніе бѣды; когда курица поетъ по пѣтушиному, то будетъ несчастье—и много другихъ подобныхъ примѣтъ. Особенно наблюдаютъ, чтобы въ этотъ день кто-либо изъ сосѣдей не взялъ изъ печи огня или не завялъ какой-либо вещи. Существуетъ повѣрье, что при помощи взятаго огня или какого-либо предмета лихой человѣкъ можетъ перетянуть къ себѣ „спѣубръ“, т.-е. прибыльность отъ того или иного предпріятія. Запасываютъ скоть предъ полуднемъ. Вся семья выходитъ изъ дома во дворъ; тутъ старики, женщины и дѣти—всѣмъ хочется посмотреть на

торжество. Хозяинъ переодѣвается въ чистое бѣлое бѣлье и въ чистую праздничную „свѣту“ (верхняя одежда), обуваетъ новые лапти съ бѣлыми онучами, вѣшаетъ черезъ плечо „торбу“ (пастушья сумка), въ которую кладетъ краюху хлѣба, соль, „хрѣщыкъ“ (крестъ изъ хлѣба, спеченный на хрѣсцы — въ среду на четвертой недѣлѣ великаго поста), три небольшие камешка, ножъ, замокъ, безмень, топоръ, куриное яйцо, „грамничную“ (освященную 2 февраля) свѣчу и торжественно, съ непокрытой головой идетъ къ хлѣвамъ выпускать во дворъ весь домашній рогатый скотъ, лошадей, овецъ и свиней. Потомъ хозяинъ вытягиваетъ изъ крышъ сараевъ три пучка соломы, черпаетъ въ колодцѣ полнымъ-полно ведро воды, обходитъ съ нимъ по солнцу вокругъ скота, перебрасываетъ черезъ все стадо камень, а водой обливаетъ скотъ. Потомъ опять идетъ за водой и во второй разъ обходитъ кругомъ стада. Этотъ обрядъ хозяинъ повторяетъ три раза. Потомъ онъ закапываетъ у воротъ въ землю замокъ, безмень, топоръ и яйцо и разводитъ на этомъ мѣстѣ небольшой костеръ, въ который бросаетъ вытянутую изъ крышъ солому. Когда все готово, хозяинъ передаетъ „торбу“ пастуху, который, пощелкивая вкнутомъ, выгоняетъ черезъ огонь весь скотъ со двора на улицу и въ поле или лѣсъ. Хозяинъ и почти вся семья слѣдуютъ за скотомъ за околицу. Въ первый день скотъ остается въ полѣ самое короткое время, почему хозяинъ и вся семья тутъ же встрѣчаютъ скотъ, возвращающимся съ пастбища.

Перегоняютъ скотъ черезъ огонь для того, чтобы освятить его и предохранить отъ нечистой силы и лихихъ людей. Если закопанное въ землю яйцо окажется цѣлымъ, то это хорошая примѣта: въ теченіе лѣта весь скотъ будетъ цѣль и невредимъ. Замокъ кладутъ для того, чтобы запереть пасти волкамъ и медвѣдямъ. Безмень кладется съ тою цѣлью, чтобы скотъ жирѣлъ и увеличивался въ вѣсѣ. Какое значеніе имѣетъ топоръ, мнѣ не могли объяснить сами бѣлоруссы на мѣстѣ. Но мною замѣчено, что простолюдины берутъ съ собою топоръ во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, какъ-то: при запасываніи скота, при заарываніи, засѣвкахъ и т. п. Скотъ обливаютъ водой для того, чтобы онъ былъ чистъ отъ лишавевъ и струньевъ и чтобы не боялся комаровъ, мошекъ, оводовъ и здровокъ. Вытянутая изъ крышъ солома имѣетъ силу тянуть скотъ домой. Переброшенные черезъ стадо камни ограждаютъ скотъ отъ звѣрей и нечистой силы.

Покровителемъ скота считается Св. Георгій (23, IV). Запасываніе скота приуравливаютъ въ этому дню, но если весна ранняя, то обрядъ „запасваня“ совершается раньше, а въ день Св. Георгія утромъ выгоняютъ скотъ „на росу“, т.-е. очень рано, чтобы не опала роса, выгоняютъ скотъ на озими, хотя бы онѣ были уже и большія. Простолюдины думаютъ, что это полезно для хлѣбовъ и для скота. Нѣкоторыя женщины, которыхъ считаютъ „вѣдзьмами“, утромъ, раздѣвшись до нага, бѣгутъ съ подойникомъ и полотенцемъ въ поле и такъ собираютъ съ озимей и съ травы росу. Существуетъ повѣрье, что вѣдмы такой манипуляціей перетягиваютъ къ себѣ „спѣбрь“ съ хлѣбовъ и съ того скота, который пройдетъ по тому мѣсту, гдѣ собрана роса въ Юрьевъ день. За такими вѣдзьмами строго наблюдаютъ въ Юрьевъ день и жестоко съ ними расправляются. Конечно, подобнымъ чародѣйствомъ занимаются не только вѣдмы, но и „чарадзѣйники“, которые найдутся въ каждомъ селеніи. Уже одна встрѣча съ „чарадзѣйникамъ“ во время „запасваня гаўяда“ или въ иномъ подобномъ случаѣ крайне тягостна для простолюдина и можетъ вызвать продолжительное угнетенное состояніе духа. По этому „чарадзѣйникаў“ стараются всеми мѣрами задобрить и расположить въ свою пользу. Не даромъ говорятъ: „Бога хвали, але й чорта не гнѣви, бо лихое й Бога перемагає“.

А. Сергѣеуттовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).